

КОНСТАНТИН ЛЕОНТЬЕВ

Константин Леонтьев

Византизм и славянство

«Что такое византизм?»

Византизм есть прежде всего особое лицо, образцованность или культура, имеющее свои отличительные признаки, свои общенациональные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия...

Византизм в государстве значит — самодержавие.

В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей...

«Что такое славянство?»

Ответа нет!.. Славян, каковы во всецелости своей, есть еще объект, западан.

Константин Леонтьев. Византизм и славянство // АСТ, АСТ Москва,
Хранитель, Москва, 2007
ISBN: 5-17-040449-2, 5-9713-4001-8, 5-9762-1600-5
FB2: Denis, 2009-01-23, version 2
UUID: 7c26b8eb-3a18-102c-b1cf-18f68bd48621
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Николаевич Леонтьев

Храм и Церковь

Константин Николаевич Леонтьев начинал как писатель, публицист и литературный критик, однако наибольшую известность получил как самый яркий представитель позднеславянофильской философской школы – и оставивший после себя наследие, которое и сейчас представляет ценность как одна и интереснейших страниц «традиционно русской» консервативной философии.

Содержание

I.....	.0005
II.....	.0019

Константин Леонтьев

Храм и Церковь

Многим русским неприятно расстаться с любимой мыслью о славном мире, заключенном в стенах *самого* Царьграда, даже и в том случае, если *общие условия* европейской политики приведут нас к *соглашению* с Турцией. И в этом случае естественно ждать какой-нибудь такой комбинации, которая поставила бы Константинополь и оба пролива в зависимость от нас, хотя бы и косвенную, но все-таки прочную по самой силе обстоятельств.

Как и всегда случается в истинно великих и роковых исторических событиях, живое чувство сердца и *мечты* возбужденного патриотизма совпадает в бессознательных стремлениях своих с самым верным, спокойным и дальновидным политическим расчетом.

Очень многим утешительно было бы читать и слышать о торжественном шествии наших победных дружин с музыкой и развернутыми знаменами по пестрым улицам Стамбула, великолепного даже в неопрятности

своей.

Это нравственная потребность внешнего осязательного триумфа – вовсе даже не *шовинизм*. Глупое слово «шовинизм», выдуманное миролюбивыми либералами, приложимо разве только к французскому честолюбию, искавшему лишь *славы для славы* без всякого практического результата.

Россия на Востоке имеет реальную почву действия: у России есть практическое в этих странах назначение, невыразимо богатое положительным содержанием, и потому-то, вероятно, все действительные результаты нынешней блистательной войны уже и теперь превзошли далеко те убогие замыслы, с которыми мы к ней приступали из смирения не столько христианского, сколько *либерально-европейского...* (а это огромная разница).

И теперь... теперь... как страшно подумать, что нечто самое *существенное для нас* ускользнет опять из наших рук!

Самое существенное – это Царьград и проливы.

Мы должны понять, что это-то и есть для нас и для прочной организации всего восточ-

но-христианского мира самое существенное уже из одного того, что *именно этот пункт считается на Западе затрагивающим общеевропейские интересы...* Что же из этого следует, если бы даже и так? Рим несравненно более еще, чем Царьград, всемирный город, ибо нет ни одного почти государства на всем земном шаре, куда бы Ватикан не простирал своего духовного влияния через посредство множества людей, исповедующих католическую веру. И несмотря на это, слабая Италия нашла возможным сделать Рим своей столицей, тогда как об обращении Царьграда в центр великорусской жизни не может быть теперь и речи.

Строго говоря, настоятельный вопрос – не столько даже в удалении самих турок, сколько в непременном уничтожении враждебного нам и губительного для единоверцев наших – нестерпимого *европейского на турок давления.*

Иметь дело с самими турками было бы нам возможно, если бы Турция была посамобытнее относительно Запада и если бы на почве ее не разыгрывались бы так свободно и

бесстыдно западные интриги и подкопы. Мы испытали это и в кандийских делах, и в столь печальной для православного чувства греко-болгарской распре...

Была эпоха какого-то роздыха и далеко, впрочем, не полного для нас улучшения, – это промежуток времени от конца критского восстания и до герцеговинских дел (от 1869 до 1875 года). Почему же в это время было легче жить и христианам, если не по всей империи, то во многих ее областях? Потому именно, что Турция находилась под нашим влиянием... И что же? Чем кончилось все это? Умерщвлением султана Абдул Азиза, который нам благоприятствовал, и болгарскими, давно уже неслыханными в Турции, ужасами... Кто же, знакомый с этой страной, сомневается, что и в том и в другом политическом преступлении участвовала рука сэра Генри Эллиота, который даже лично, по-видимому, до бешенства завидовал деятельности генерала Игнатьева и его огромному влиянию на несчастного султана!..

Злоба личного бессилия в английском после совпала на этот раз с известными всему

миру государственным претензиями Великобритании – претензиями, которым давно пора положить конец.

Так или иначе, раньше или немного позднее, Царьград должен подпасть под наше непосредственное влияние... Иначе лучше было бы и не вести войны, лучше бы даже и христиан не приучать возлагать на нас неосуществимые *никогда* надежды.

И в русском обществе, жаждущем хотя бы временного занятия оттоманской столицы, я сказал уже – верный политический инстинкт согласуется на этот раз прекрасно с чувством военной чести, с любовью к святыне народных преданий, с законными требованиями нравственного, полного торжества.

В Москве многие основательно думают, что во всей Европе есть только один голос, долженствующий иметь для нас вес и внушать нам уважение, – это голос Германии.

Остальные мнения можно брать в расчет лишь из одной внешней вежливости, ни к чему не обязывающей.

И нет разумной жертвы (так думают у нас здесь многие), которой нельзя было бы при-

нести Германии на бесполезном и отвратительном северо-западе нашем, лишь бы этой ценой купить себе спокойное господство на юго-востоке, полном будущности и неисчислимых как вещественных, так и духовных богатств.

Балтийское море все равно погибло для нас. Выход из него – в руках Германии, и ей ничего не стоит в удобную минуту создать два Гибралтара на двух скандинавских оконечностях.

И чем больше мы дорожим долговечной дружбой, столь выгодной для обеих сторон, тем серьезнее мы должны с нашей стороны заблаговременно позаботиться о другом для нас исходе, о другом направлении интересов наших, чтобы избежать всякого повода к столкновению даже и в далеком будущем.

Нельзя мерить государственные дела только завтрашним днем.

Вот почему я говорю, что народное чувство, на этот раз вполне, хотя и бессознательно, согласуется с государственным значением великого вопроса о движении на Царьград.

Будем надеяться, что история, что сама

жизнь опять вынудят нас сделать еще один шаг, – может быть, самый главный.

Но где бы и как бы ни были подписаны условия мира, очень многие в Москве выражают желание, чтобы в числе требований наших от Порты было бы одно настоятельное, касающееся возвращения христианам если не всех, то тех из православных храмов, которые обращены завоевателями в мусульманские мечети.

Более всего имеется при этом в виду, конечно, знаменитый храм св. Софии.

Нет спора, желание это самое естественное и прекрасное.

Предъявить это требование в числе стольких других, несравненно для Турции более тяжелых и грозных, нетрудно. Достичь этой цели легко во всех случаях; даже в том случае, если бы у Порты осталась до более благоприятного времени некоторая номинальная власть над христианскими странами, освобожденными от прямого действия турецкой администрации.

Я говорю, это легко, и вот почему. Невозможно себе представить, напр., каким обра-

зом могут быть осуществлены те глубокие реформы, которых требует прочное умиротворение Балканского полуострова без более или менее долгого занятия некоторых пунктов турецкой территории русскими войсками. Только при долгом присутствии вооруженной силы можно достичь серьезных результатов и видеть, что реформы, долженствующие удовлетворить христиан, проникают в самую жизнь и не остаются одною игрой в *европейские* фразы и прогрессивные термины.

Конечно, при подобных условиях первые, по крайней мере, попытки к архитектурному восстановлению храма св. Софии будут возможны. Восстановление такого великого памятника нельзя предпринимать второпях и как попало. Храм св. Софии – это сокровище двойное: это святыня веры и это перл искусства. Только русские художники могут взяться за это дело, *не спеша и зрело обдумав его*.

Иначе наш вандализм был бы гораздо хуже турецкого. Турки замазали очень грубо иконы из своих религиозных соображений; по нерадению позволили обезобразить стены, вырывая кусками прекрасную мозаику, по-

крывавшую их, удалили из храма все те украшения и всю ту утварь, которые составляют необходимую принадлежность православно-го святилища; снаружи окружили здание грубыми минаретами и тяжелыми, некрасивыми позднейшими пристройками; но это все исправимо. А если мы раз навсегда, торопясь лишь освятить храм, испортим его навсегда... Если мы по-прежнему будем и при этом случае обладать лишь нравственным и государственным мужеством, не обнаруживая ни на каком поприще *умственной дерзости*, свойственной всем истинно культурным, творческим народам, то не будут ли хоть немного правы те, которые утверждают, что мы – нация, умеющая вести героические, блистательные войны и... пожалуй, еще управлять присоединенными странами, но что в области разума и фантазии мы способны только рабски подражать или Западу, или много-много своей собственной старине, да и то изредка и не всегда удачно.

Заметим еще, что, кроме нас, и некому на Востоке взять на себя ответственность за восстановление св. Софии. Исторически этот

храм принадлежит, конечно, грекам или, лучше сказать, Вселенскому патриаршему престолу; *в распоряжении этого последнего он и должен впоследствии остаться.* Этого требует справедливость. Но дело в том, что в случае падения Турции сама патриархия вынуждена будет *почти исключительно опираться на нас.*

На почве православия «нет ни элина, ни иудея», ни русского, ни болгарина, ни грека, и *вселенский*, так сказать, храм св. Софии должен стать на берегах Босфора как бы внешним символом всевосточного, православного единения. Сам Босфор должен сделаться отныне средоточием мира, братства и единения для всех христиан Востока, под руководством *тех из них, которые всех их сильнее, опытнее и потому справедливее.*

Греки бедны и малочисленны; они не в силах будут издержать на реставрацию св. Софии тех сумм, которые может принести в жертву весь Православный мир в совокупности и особенно Россия.

Сверх того, они должны сознаться, что и в европейской цивилизации мы (русские, ко-

нечно, а не югославяне) гораздо сильнее их и можем с бóльшим успехом приложить все ресурсы современной техники к древне-византийскому стилю.

Чтобы иметь понятие о том, каких восхитительных результатов может достигать сочетание старовизантийского стиля с новейшими познаниями и средствами, стоит только взглянуть на великолепный новый корпус Зографского (болгарского) монастыря на Афоне, построенного по мысли покойного г-на Савостьянова.

Я не могу здесь описывать подробно это грандиозное и вместе с тем изящное здание из желтоватого тесаного камня, украшенного в одно и то же время *европейскими* узорными чугунными балконами, в несколько этажей один над другим, и какими-то восточными деревянными бельведерами или воздушными домиками с окнами, которые, как птичьи гнезда, лепятся где-то на огромной высоте, по наружным стенам, поддерживаемые снизу гигантскими букетами расходящихся кверху бревен. Прибавлю только еще, что темных и скучных коридоров нет, но на внутренней

стороне, обращенной на тихий монастырский двор, мощенный плитами, для сообщения между кельями существует открытая галерея, образуемая широкими и отлогими арками из того же желтоватого камня, как и все здание.

Стоит только видеть эти новые зографские постройки и сравнить их, с одной стороны, со старыми византийскими корпусами того же монастыря, а с другой – с казарменным стилем хотя бы русской Пантелеймоновской киновии на Афоне, чтобы убедиться, до какой степени они лучше и тех и других.

Русский Пантелеймоновский монастырь, справедливо славящийся строго духовной жизнью иноков своих, в архитектурном отношении не замечателен и даже производит печальное впечатление на человека со вкусом.

Он очень обширен; церкви его внутри великолепны; иконостасы оригинальны и очень разнообразны, но все *штукатурные* корпуса его имеют тот гладкий казарменный характер, который нам, русским, к сожалению, слишком хорошо знаком по стольким постройкам нашим *александровского*, так ска-

зять, стиля, – по некоторым коронным зданиям, изуродовавшим московский Кремль, по Аничкову дворцу, по всем частным жилищам этого периода. Эти белые штукатуренные казенные церкви с зелеными крышечками и куполами!.. и тому подобное... Это ужасно!

Монастырь Руссик, отчасти от денежных условий, отчасти от прилива монахов, привлекаемых в него высотой нравственной жизни, принужден был строиться *спешно*; по образцам 20-х и 30-х годов, принесенных в *памяти* из России, и к тому же, видно, не было никакого Савостьянова под рукой для исправления вкуса и стиля.

Разница огромная между самым *новейшим* направлением русских построек – направлением, *ищущим своего идеала*, – и ужасными наклонностями нашей *вчерашней* старины в области архитектуры.

Но то, что у нас уже *отходит*, по крайней мере в идеале, то у восточных единоверцев наших еще во всем цвету, раболепство перед пошлым бюргерским и плоским стилем современной западной жизни.

Кто был, напр., в Афинах, тот поймет, что я

хочу сказать, указывая на этот только *опрятный*, только *белый*, только *новоевропейский* город!

Не грекам нынешним по силам реставрировать св. Софию, а разве-разве нам, но и то осторожно.

Сочувствуя вполне желанию многих москвичей – видеть храм св. Софии восстановленным и освященным даже и в том случае, если султан еще останется в Царьграде, – я нахожу, однако, необходимым обратить внимание на нечто гораздо более важное и драгоценное – на благоустройство *невещественной Церкви*, на *умиротворение и утверждение православия на Востоке*.

Все, мне кажется, должны понять, что *именно на Босфоре* нужнее всего непосредственное действие сильной десницы и беспристрастного ума, стоящего выше местных и мелко-патриотических страстей. Русское влияние или русская власть в этом великом средоточии не должны иметь никакой исключительной окраски, *ни юго-славянской, ни греческой*; русская власть или русское влияние должны приобрести в этих странах характер именно *вселенский*... И в этом смысле Цареградская патриархия должна стать для этого русского всепримиряющего влияния самой мощной и прочной нравственной опорой. *Дело не в лицах, занимавших за последнее время этот великий и многозначительный по свойству самой местности престол; дело не в национальности этих лиц* и не в поведении их; дело в значении самого *престола*. Вопрос не в епископах; не в людях, живших под вечным «страхом агарянским». *Люди меняются*; вопрос в древнем учреждении, под духовным воздействием которого сложилась и окрепла

и наша, еще столь живучая доселе, *Московская Русь*.

Несчастливым болгарам, в утеснении своем мечтавшим лишь о том, как заявить миру о существовании и человеческих правах своей подавленной народности, было простительно и естественно видеть в Цареградском патриархе только *греческого владыку*. Для великой России необходим иной – орлиный полет; для русской мощи достойнее самовольно смиряться перед безоружной духовной силой православного учреждения, вдохнувшего 1000 лет тому назад в нас христианскую душу, чем вступать в раздражительный и мелочной антагонизм с ничтожным по численности греческим племенем. Вопрос тут не в греках или славянах; это одна близорукость; это политика жалкая и бесплодная; дело, сказал я, прежде в умиротворении, в укреплении Вселенского Православия.

Царьград есть тот естественный центр, к которому должны тяготеть все христианские нации, рано или поздно (а может быть, и теперь уже) *предназначенные составить с Россией во главе великий Восточно-православный*

СОЮЗ.

Не столицей Греческого и Болгарского царства должен стать когда бы то ни было Царьград и тем более не главным городом государств более отдаленных, а столицей именно Восточного союза этого; и в этом (*только в этом*) смысле его, правда, можно будет назвать *вольным* или *нейтральным* городом.

Вольным только для членов союза.

Ибо какое мы имеем право и против отчизны нашей, и против потомства, и против тех христиан, за которых мы бьемся и приносим такие кровавые жертвы, допустить *иные влияния*, так называемые *европейские*, на равных с нами правах?

Даже при турках, которые представляли как бы то ни было в этих странах нешуточную силу, — эти чуждые интриги посягали нередко на самые священные интересы наши, — например, на спокойствие Церкви, ибо западная дипломатия попеременно поддерживала то греков, то болгар в их разнузданном ожесточении друг против друга, стараясь вырвать их из-под нашего примиряющего влияния. После этих примеров чего можно

было бы ожидать, если бы Константинополь стал каким-то бессмысленно нейтральным городом, и все это пестрое, самолюбивое и раздражительное население христианской Турции было бы предоставлено мелким страстям своим, без нашего «veto», в одно и то же время дружеского и отечески грозного!..

Желать видеть Царьград каким-то всеевропейским вольным и *вовсе даже и косвенно недоступным для нас городом* может только простодушное незнание дела или преступное в своих тайных целях лицемерие.

Восточный вопрос будет кончен, даже и в том случае, если Порта сохранит еще на этот раз какую-нибудь тень владычества, подобно великому Моголу в Ост-Индии... Сервер-паша прав, говоря, что Оттоманская империя во всяком случае теперь погибла...

Но что сумеем мы водрузить на этих развалинах, на этих остатках почти неожиданного крушения?..

Разрушить враждебную силу – мы разрушили со славой, счастьем и правдой.

Но что мы создадим? Вот страшный вопрос!..

Создание есть прежде всего прочная дисциплина интересов и страстей. Либерализм и дальнейшее подражание Западу не могут создать ничего.

И какое же орудие охранительной, зиждущей и объединяющей дисциплины мы найдем для дальнейшего действия на Востоке, как не то же, уже издавна столь спасительное и для нас, и для всего славянства, – Вселенское Православие?

Об его укреплении, о новых средствах к его процветанию мы должны прежде всего заранее и немедленно позаботиться.

Не восстановление *храмов вещественных* важно: утверждение *духовной Церкви*, потрясенной последними событиями.

Надо прежде всего примирить болгар с греками.

Надо оставить на первое время часть болгар под патриархом в южной Фракии и в южной Македонии, отдавши все остальное экзарху. И часть греков под болгарам, где придется. Надо достичь того, чтобы патриарх снял с болгар проклятие, если по уставу имеет он право сделать это без созвания нового

собора, если болгары сознаются, что они поступали неканонически. И они должны сознаться и покаяться в этом.

*По внешности весь спор в границах— и более ничего; греки давали меньше; болгары хотели больше. По совести, обе стороны нечисты, ибо обе они страдали одинаково тем филетизмом, который проклят греками на бурном соборе 72-го года. Обе стороны обращали святыню личной веры в игральнице национального честолюбия. С обеих сторон епископы имели слабость забывать о мире Церкви, подчиняясь воплям толпы, голосу собственной крови, коварству европейской дипломатии и действию турецких соображений: *раздели и властвуй...**

Вот в чем одинаковая вина и греческой, и болгарской иерархии.

Не будем, однако, судить строго и епископов. Они – люди; и, быть может, игра всех вышеперечисленных влияний, вместе взятых, была слишком сильна, чтоб можно было устоять против нее и не согрешить перед Духом Святым!

И между греческими епископами есть пре-

красные люди. Здесь этого *будто бы не знают*, а мы, жившие на Востоке, знаем это. А то, что у нас любят твердить: «греки льстивы до сего дня», – так это и повторять стыдно, это очень *не умно*, и только!

Кто же *не льстив* в политике? Какая нация, какое государство? Всякий обязан быть в государственных делах если не грубо лжив (это тоже иногда *невыгодно*), то *мудр яко змий...*

Государство или нация – не лицо; ни государство, ни нация на политическое самоотвержение права не имеют. Нельзя строить политические здания ни на текучей воде вещественных интересов, ни на зыбком песке каких-нибудь чувствительных и глупых либеральностей... Эти здания держатся прочно лишь на *отвлеченных принципах верований и вековых преданий*.

В церковном же вопросе и болгары, и греки были одинаково льстивы и неправы по совести. Разница та, что *канонически*, формально, в смысле именно *отвлеченных принципов предания*, греки были правее.

Нельзя же допускать *двойной иерархии* в

смешанных по населению областях, как того хотели во что бы то ни стало болгары; ни *своевольно* и *насильственно отлагаться*, как они сделали в 72-м году.

Болгары, пожалуй, потому еще были *льстивее* (или умнее) греков в этом деле, что раскол *им выгоден* для чисто местных национальных целей; они *искали раскола преднамеренно*, искусно и упорно раздражая греков, и добились того, чего искали.

А греки, увлекшись гневом и *надеждами на помощь Англии*, воображали, что Святейший русский Синод сделает грубую ошибку и *официально* заступится за болгар, подвергая и себя обвинению в игнорировании даже апостольских правил. «Два епископа в граде да не будут» и т. д. Греки, говорю я, сделали политическую ошибку; они дали посредством полного отлучения болгарам возможность *простираť свободнее* прежнего свое национальное *влияние до последнего македонского села*. Отделенным болгарам никто из греков явно и законно уже мешать не мог. А европеизированные и прогрессивные турки потворствовали, продолжая игру свою: «divide et

impreга». Кто же не льстит в национальных делах? Следует быть искусным. И наше русское счастье в том лишь, что у нас практический национальный интерес и вся государственная мудрость должны совпадать именно с теми *отвлеченными принципами, с теми священными преданиями*, о которых я выше говорил. Итак, повторяю, дело не в славянах и не в греках... Дело в Церкви православной, которой дух дал нам *знамя* даже и в этой еще не оконченной борьбе...

Если бы в каком-нибудь Тибете или Бенгалии существовали бы православные монголы или индусы с твердой и умной иерархией во главе, то мы эту монгольскую или индустанскую иерархию должны предпочесть даже целому миллиону славян *с либеральной интеллигенцией à la Гамбетта или Тьер*, должны предпочесть для прочной дисциплины самого славянского ядра!

Сила России нужна для всего славянства; крепость православия нужна для России; для крепости православия необходим тесный союз России с греками – обладателями святых мест и четырех великих патриарших престо-

ЛОВ...

Тот, кто славянин в широком, а не в местно-македонском или каком-нибудь фракийском смысле, тот должен в церковном деле быть за греков – даже и поневоле, если он уже предубежден на основании старых каких-то летописей.

Пусть, кто хочет, продолжает кричать так скучно и поверхностно: «Фанар! Фанар! Фанар!»

Пусть кричат о горестях и обидах, записанных на старых пергаментях!.. Надо верить в Россию, в ее судьбу, в ее вождей...